

Библиографический список

1. *Базуева Е. В.* Институциональный анализ системы гендерной власти в современной России // *Экономический анализ: теория и практика*. 2011. № 19 (226). С. 9—20.
2. *Базуева Е. В.* Власть как предмет исследования гендерной экономики // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 2. С. 3—14.
3. *Базуева Е. В., Перский Ю. К.* Гендерная экономика как иерархическая система // *Журн. экон. теории*. 2011. № 2. С. 7—21.
4. *Инновационное развитие экономики России: институциональная среда* : Четвертая Междунар. конф., Москва, МГУ, 20—22 апр. 2011 г. : сб. ст. / под ред. В. П. Колесова, Л. А. Тутова. М. : Изд-во МГУ, 2011. Т. 1. 814 с.
5. *Контроль женщин над экономическими ресурсами и доступ к финансовым ресурсам, в том числе по линии микрофинансирования* : докл. Генерального секретаря ООН // *Мировой обзор о роли женщин в развитии в 2009 г.* URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/372/27/PDF/N0937227.pdf?OpenElement> (дата обращения: 12.01.2011).
6. *Управление инновациями — 2010* : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 15—17 нояб. / под ред. Р. М. Нижегородцева. М. : ЛЕНАНД, 2010. 488 с.
7. *Vazueva E. V.* The human capital of the Perm region: gender peculiarities of realization // *Экономика региона*. 2010. № 2 (22). С. 60—71.
8. *Institutional Profiles Database*. URL: <http://www.cepii.fr/anglaisgraph/bdd/institutions.htm> (дата обращения: 15.03.2011).
9. *Hausmann R., Tyson L. D., Zahidi S.* The Global Gender Gap Report 2009. URL: <http://www.weforum.org/en/initiatives/gsp/Gender%Gap/index.htm> (дата обращения: 15.01.2011).
10. *KEI and KI Indexes (KAM 2008)*. URL: <http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAMpage3.asp?default=1> (дата обращения: 12.01.2011).
11. *The Global Competitiveness Report 2010—2011*. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2010-11.pdf (дата обращения: 12.01.2011).

ББК 60.542.22: 60.561.5

Е. А. Чикалова

**ИССЛЕДОВАНИЯ ОТЦОВСТВА И МАСКУЛИННОСТИ:
ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ**

В последнее время в академической среде наметилась тенденция изучения различных аспектов отцовства. Интерес исследователей к данной проблематике неслучаен. За последние десятилетия в российском обществе произошли значительные изменения, которые привели к трансформациям гендерного порядка и семейных ценностей. Исследователи выделяют в качестве проблемных такие тенденции, как снижение рождаемости, увеличение разводов, рост количества внебрачных рождений, увеличение числа детей, воспитываемых одним родителем и др. Несмотря на разные позиции по отношению к сущности

данных тенденций, многие из исследователей ориентируются на возможность изменения ситуации в случае обращения к изучению отцовства. Активный интерес к исследованию указанной темы может быть связан с попыткой преодоления так называемого «кризиса отцовства», желанием «вернуть мужчину в семью», «восстановить авторитет отца» [8, 28, 29, 31]. Иные мотивы обращения к исследованию отцовства демонстрируют представители гендерного подхода. Они указывают на необходимость разобраться в противоречивых тенденциях, выражающихся, с одной стороны, в более активном включении мужчин в сферу семьи и, с другой стороны, в том, что данный процесс зачастую не проходит гладко, а сопровождается трудностями и конфликтами. Интерес к отцовству связывается также с длительным отсутствием работ, анализирующих роль мужчины в семье, и в то же время с появлением зарубежных исследований о «новых мужчинах», «новых отцах», об «ответственном отцовстве».

Характеристика становления зарубежных исследований отцовства

За рубежом до 80-х гг. XX в. отцовство оставалось вне поля зрения ученых, политиков и общественности. Однако изменения, произошедшие в обществе, сформировали новые требования к семье и выдвинули вопросы воспитания в новых условиях на первый план.

Интерес к отцовству характерен как для сторонников феминистской позиции, так и для участников движений за мужские права (Уоррен Фаррелл, Роберт Брэннон, Роберт Блай и другие) [22, 39]. По отношению ко второму направлению мнения исследователей разделились. В активном интересе к проблемам отцов со стороны данных движений некоторые видят тенденции к изменениям в сторону равноправия и ответственного родительства. В то же время это может рассматриваться как реакция на социальные изменения, поставившие под сомнение прежний авторитет мужчин в традиционной семье. Акцентирование роли отца (особенно в исследованиях отношений между отцами и сыновьями) сопровождалось зачастую сужением исследовательской перспективы до изучения белых гетеросексуальных мужчин, принадлежащих к среднему классу. В этом контексте понимание отцовства соотносится со следующими идеями: анализ отцовства как биологически детерминированного феномена; подчеркивание уникальности отцовства в сравнении с материнством; понимание безотцовщины как свидетельства морального разложения общества и в связи с этим принятие мер по восстановлению семейных ценностей и поддержке гетеросексуальных браков; трактовка отношений между отцом и сыном как более ценных по сравнению с отношениями «отец — дочь»; рассмотрение существовавших на заре человечества отношений между полами в качестве эталонных; акцент на необходимости присутствия мужского образца для подражания как условия нормального развития мальчиков [39, p. 108—109].

В ходе развития исследований отцовства, постепенно формируется направление, в рамках которого отцовство рассматривается как социально конструируемый феномен, зависящий от культурно-исторических, социальных условий, тесно связанный с представлением о маскулинности [18, 22]. Таким образом, важным для характеристики процесса становления исследований отцовства становится анализ развития критических мужских исследований.

Этапы развития критических исследований маскулинности

Первая волна критических исследований маскулинности связывается с развитием полоролевой парадигмы в 1970-х гг. в направлении более акцентированного внимания к вопросам мужественности. Ключевыми целями данных исследований были, во-первых, обоснование социально конструируемого характера маскулинности и ее воспроизводства в процессе социализации, обучения поведению, соответствующему половой роли, и социального контроля и, во-вторых, демонстрация того, как данные факторы влияют на психологическое и физическое здоровье мужчин [38, р. 2].

Вторая фаза критических исследований маскулинности началась в 1980-х гг. Она возникла как ответная реакция на некоторые идеи, развиваемые в рамках первой волны. Полоролевая парадигма критиковалась, в частности, за сведение всего многообразия мужских практик к одной модели, характерной для мужчин из привилегированных слоев общества. Основопологающей для данного периода была концепция гегемонной маскулинности (Р. Коннелл). В качестве доминирующей представлялась модель маскулинности, принятая в парадигме половых ролей. Наряду с данной моделью выделялись также модели соучаствующей и подчиненной маскулинности. В качестве векторов различий, по которым проводится разграничение между этими моделями, выступают раса, класс и сексуальная ориентация [ibid.]. Таким образом, фиксировался иерархичный характер отношений внутри одной системы. Разрабатываемые в рамках второй волны проблемы в большинстве случаев пересекались с идеями феминизма и выдвигались в поле политики в качестве перспективных проектов в борьбе за равноправие.

Третья волна исследований маскулинности формируется под влиянием постструктурализма. Оперирование терминами «нормативность», «перформативность» и «сексуальность» предполагает включенность проблематики маскулинности на данном этапе в более широкий контекст гендерных исследований. Ключевым свойством исследований маскулинности этого периода является междисциплинарность. Изучение маскулинности проводится в рамках различных наук (история, культурология, социология, литература). Связующей темой для исследований маскулинности с позиций разных дисциплин становится рассмотрение тенденций изменений данного феномена на современном этапе, его соотношение с идентичностью, а также анализ в историческом контексте [38, р. 2]. Еще одним важным моментом, на котором сосредоточивают свое внимание современные исследователи, является признание нестабильного и неунифицированного характера маскулинной субъективности, ее непрерывного конструирования посредством дискурсивных практик [5, с. 22—23].

Подходы к анализу понятия «отцовство»

С одной стороны, отцовство может быть рассмотрено как социальный институт, и в соответствии с этим речь пойдет о требованиях и ожиданиях общества по отношению к родительской роли мужчины. С другой стороны, под отцовством подразумевается практическая деятельность мужчины по воспитанию детей и уходу за ними, иначе говоря, практики, стили воспитания [10, 24].

В английском языке данные понятия можно соотнести с терминами «fatherhood» и «fathering». Дж. Плек проводит различия между отцовством как родительским статусом и отцовством как родительским поведением и идентичностью. Анализируя специфику влияния отцовства на ребенка и на личность самого мужчины, он отмечает, что более перспективным является представление о важности отцовства для развития ребенка наряду с учетом других факторов (взаимоотношения в семье, социально-экономические факторы, отношения матери и ребенка). Рассмотрение отцовства в понятиях необходимости, исключительности, по мнению исследователя, является односторонним [40, р. 27]. Так, представление об уникальности отцовского отношения по сравнению с материнским сужает исследовательскую перспективу, сглаживает индивидуальные различия в подходах к воспитанию и нивелирует действия других факторов [40, р. 28]. Таким образом, признается необходимость исследования отцовства не изолированно, а с учетом психологического, социального, культурного, исторического контекста.

Как отмечает И. С. Кон, отцовство может быть исследовано «на разных уровнях и в разном контексте» [25, с. 3]. Речь идет о трех уровнях анализа, выделяемых в социогуманитарных науках (микро-, мезо- и макроуровень). Таким образом, изучение отцовства возможно на уровне межличностных взаимодействий (рассмотрение, например, взаимоотношений между отцом и ребенком), на групповом уровне (изучение особенностей различных групп отцов), а также на уровне всего общества (анализ соотношения отцовства с различными социальными институтами, исследование практик отцовства, доминирующих в той или иной культуре). Кроме того, отдельно оговаривается, что отцовство может рассматриваться как «одна из главных мужских идентичностей» [21, с. 30].

Позиция И. С. Кона вполне сопоставима с концепцией В. Дуаза, предполагающей возможность выделения четырех уровней объяснения социальных феноменов. На первом уровне анализируются «психологические», или «внутриличностные», процессы. На втором уровне исследуются «межличностные», или «внутриситуативные», процессы. Третий уровень — уровень ситуационных «взаимодействий» и формирующихся на их основе коллективных представлений. На четвертом уровне проводится анализ «социальных отношений и идеологических воздействий на формирование индивидуальных представлений и поведения» (см.: [3, с. 246]). На наш взгляд, применение данной концепции позволит более четко представить, с одной стороны, целостность, а с другой — комплексный характер отцовства.

Следующее, на что стоит обратить внимание при изучении отцовства, это зависимость представления о свойствах, способностях и задачах отца от социокультурного контекста. В данном смысле можно говорить не о едином представлении об отцовстве, а о представлениях об отцовстве. В обществе может одновременно существовать несколько вариантов отцовских практик, интерпретаций отцовства, но при этом какая-то из них является доминирующей в данной культуре, а остальные оцениваются как более или менее соответствующие норме [41, р. 38]. Так, например, в современном западном обществе отцовство в его институциональном аспекте все еще соотносится с необходимостью выполнять функцию кормильца семьи [41]. В то же время во многих

семьях уже достаточно длительное время практикуется модель вовлеченного отцовства. Каждая модель может быть соотнесена с определенной моделью маскулинности, существующей в обществе. С этой позиции становится очевидной взаимосвязь представлений об отцовстве с моделями маскулинности. В зависимости от социальных, культурных и исторических условий, они могут трактоваться либо как идентичные, либо как имеющие незначительные отличия, либо как различающиеся кардинально. Как отмечает А. Вольде, «чем больше друг от друга оторваны объяснительные модели отцовства и маскулинности, тем более сложно будет мужчинам ориентироваться в этих разноплановых моделях» [41, р. 38].

Комплексный подход к изучению феномена отцовства сформировался в рамках гендерных исследований на базе парадигмы социального конструкционизма. С этой точки зрения отцовство рассматривается как детерминированный социальными и культурными условиями, изменяющийся с течением времени и зависящий от идеологии маскулинности феномен [18, 20].

Подходы к определению понятия «маскулинность»

Маскулинность также представляет собой комплексный феномен и может быть охарактеризована с нескольких позиций. В качестве описательной категории маскулинность понимается как «совокупность поведенческих и психических черт, свойств и особенностей, объективно присущих мужчинам, в отличие от женщин» [22]. Маскулинность также может быть истолкована как «аскриптивная категория». В этом случае речь идет о социальных представлениях и установках, включающих сущностные характеристики мужчины, приписываемые ему качества. Прескриптивность маскулинности выражается в наличии системы предписаний, формирующих определенный идеал, некий нормативный эталон мужественности [22].

Современные гендерные исследования мужчин и маскулинностей акцентируют свое внимание на анализе отношений доминирования и подчинения, концептуальной схемой для которого становится так называемая «гегемонная маскулинность».

Р. Коннелл предлагает анализировать маскулинность на нескольких уровнях:

1) локальном (подразумевает анализ взаимодействий на межличностном уровне — в семьях, организациях, различных сообществах; описывается, как правило, в этнографических и биографических исследованиях);

2) региональном (это уровень отдельных культур или этносов; может быть раскрыт в демографических исследованиях, а также в исследованиях политического дискурса);

3) глобальном (уровень транснациональных отношений, мировой политики, транснациональных корпораций и СМИ; исследуется в работах, посвященных изучению маскулинности в контексте глобализации).

Исследование взаимосвязей между этими уровнями может быть полезно для анализа гендерной политики. Глобальные институты оказывают давление на региональный и локальный гендерный порядок; в то же время региональный

гендерный порядок формирует культурные модели, принимаемые или трансформируемые на глобальном уровне, а также обеспечивает модель маскулинности, которая может быть важна для динамики гендерных отношений на локальном уровне [37, p. 849].

Ш. Берд, указывая на социально конструируемый характер маскулинности, отмечает, однако, что в некоторых кругах она по-прежнему трактуется как биологически детерминированный набор личностных характеристик и особенностей поведения. В теоретическом анализе маскулинности Ш. Берд рассматривает подходы к трактовке маскулинности и фемининности, соотношения мужского и женского в рамках биологического детерминизма в психоаналитических теориях, психологических теориях идентичности и ролевых теориях. Особое внимание уделяется критике данных теорий со стороны профеминистских гендерных исследований [5, с. 6—8].

Профеминистские гендерные исследователи трактуют маскулинность как «множественность практик, представлений и характеристик, которые не только усвоены индивидом, но также включены в повседневность и институционализованы посредством дискурсивных практик и материальных отношений... и являются объектом обсуждения и переговоров между группами и индивидами» [5, с. 18]. Это позволяет говорить о существовании множества маскулинностей, которые формируются и поддерживаются в процессе взаимодействия на различных уровнях.

На наш взгляд, определение маскулинности, предложенное Ш. Берд, охватывает весь спектр рассмотренных выше характеристик. Маскулинность трактуется как «понятие, обозначающее социально сконструированные ожидания, касающиеся поведения, представлений, переживаний, стиля социального взаимодействия, соответствующего мужчинам, представленные в определенной культуре и субкультуре в определенное время» [5, с. 7].

Отечественные исследования отцовства в рамках гендерного подхода

Развитие российских исследований отцовства имеет некоторые общие тенденции с Западом, однако специфика социокультурного, исторического и политического контекста задает свои рамки для данного процесса. Как отмечалось выше, фиксируемые в настоящее время тенденции изменений в общественной жизни тесно взаимосвязаны с трансформацией взглядов на взаимоотношения полов [7, 12, 19]. Оценка данных трансформаций, как отмечают исследователи, может быть сведена к двум основным позициям: кризисной (алармистской) и модернизационной [34, 36].

Представители первого направления придерживаются мнения, что в настоящее время институт семьи находится в кризисном состоянии, и трактуют произошедшие трансформации в сугубо негативном ключе, выдвигая в некоторых случаях весьма консервативные требования [36, с. 24]. Выходом из сложившейся ситуации, согласно данной позиции, является продвижение социальной политики, направленной на «укрепление семьи, упрочение семейных ценностей в противовес индивидуальным, развитие семейной собственности и семейного производства, переориентация деятельности всех социальных ин-

ституты с индивида на семью» [34, с. 29]. Признание необходимости новых инструментов поддержки семейной системы и родительства сопровождается зачастую традиционными взглядами.

Второй подход проблематизирует современное состояние семьи в терминах «модернизации». Плюрализм семейных форм и перераспределение семейных обязанностей рассматриваются как этап перехода к новому типу семьи. Сопровождающие данный процесс сложности трактуются как результат экономических, социальных, политических преобразований [36, с. 24]. Решение проблемы представители этого подхода видят в реализации такой социальной политики, которая направлена на обеспечение равновесия «между личностью, семьей и обществом на принципах свободы личности, равноправия и партнерства» [36, с. 30].

В соответствии с выделенными направлениями акценты при исследовании отцовства также могут быть расставлены по-разному. В русле кризисного подхода отцовство рассматривается скорее с позиции борьбы с безотцовщиной, восстановления прежнего авторитета отца, укрепления и поддержки полной многодетной семьи. В рамках модернизационного подхода признается, что, наряду с изменением положения женщин в профессиональной сфере, происходит пересмотр значимости для мужчин приватной сферы, это, в частности, выражается в переоценке отцовства как института и как практики воспитания детей.

Отечественные исследования, посвященные проблемам отцовства, можно классифицировать по различным параметрам: в зависимости от принадлежности к той или иной научной дисциплине, от уровня анализа, от того, на каких аспектах фокусируется внимание исследователя и др. В рамках данной работы ключевым параметром классификации выступает критерий учета/игнорирования связи отцовства с маскулинностью.

Как показывает анализ литературы, наиболее разработанными являются такие направления, как влияние эмоциональных и психологических характеристик отца, стиля воспитания на личность ребенка, влияние отцовства на развитие личности самих мужчин [1, 6, 13, 17, 32]. Акцент также делается на изучении динамики представлений об отцовстве, образов отца [1, 14, 26]. Можно выделить лишь несколько работ, в которых рассматривается аспект взаимосвязи маскулинности и отцовства. Теоретические разработки данной проблематики содержатся в исследованиях И. С. Кона [20, 21, 23] и И. С. Клециной [18].

Вкратце охарактеризуем предложенную И. С. Клециной схему анализа отцовства и маскулинности. В работе «Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности» автор анализирует теоретические подходы к пониманию маскулинности (биолого-эволюционный, психоаналитический подход, теория половых ролей и социализации, гендерный подход), выделяет характерную для каждого из подходов модель маскулинности и соотносит их с определенными моделями отцовства [18, с. 31—32]. Традиционной модели маскулинности, связанной с доминантно-зависимыми гендерными отношениями, соответствуют такие варианты отцовства, как «традиционный отец» (его основными функциями в семье являются руководство и контроль) и «отсутствующий отец» (чаще всего он не принимает участия в воспитании детей, присутствует в семье лишь формально). Новая модель маскулинности, характеризующаяся

большей вариативностью и предполагающая одинаковую важность для мужчин как семейной, так и профессиональной сфер, соотносится со следующими типами отцовства: «ответственный отец» (вовлечен в процесс воспитания, но менее активно, чем мать) и «новый отец» (наравне с матерью участвует в воспитании и уходе за детьми, в ведении домашнего хозяйства) [18].

Эмпирические исследования отцовства в соотношении с маскулинностью представлены в работах А. Е. Звонаревой [15], И. В. Рыбалко [30], Е. Ангеловой и А. Темкиной [2], Т. А. Гурко [9]. В дополнение к этому можно выделить ряд работ, в которых отцовство и маскулинность попадают в фокус исследователей наряду с другими феноменами [4, 11, 27, 33, 35].

Таким образом, можно заключить, что в рамках отечественных исследований проблематика взаимосвязи отцовства и маскулинности остается практически нераскрытой, данные феномены чаще всего изучаются обособленно друг от друга. Исключение составляют несколько работ, выполненных в рамках гендерного подхода. Однако анализ отцовства именно через призму маскулинности открывает, на наш взгляд, новые перспективы. Это позволит, во-первых, получить более полное представление о проблемах, с которыми нередко сталкиваются отцы при осуществлении практической деятельности, а также мужчины, готовящиеся стать отцами; во-вторых, выявить причины расхождения между установками и поведением отцов, представлениями об отцовстве и реальными практиками, раскрыть механизмы конструирования отцовства; в-третьих, показать относительность эталонных представлений о маскулинности; в-четвертых, прояснить сущность кризисных явлений, испытываемых современным человеком (например, феномен «несостоявшейся маскулинности»), раскрыть возможные причины гендерных конфликтов; в-пятых, выработать рекомендации по формированию непротиворечивых представлений об отцовстве.

Заключение

Зарубежные и отечественные исследователи констатируют, что забота, нежность и эмоциональная привязанность достаточно трудно сочетаются с доминирующим в обществе эталоном маскулинности, в связи с чем сфера семьи для мужчин все еще остается малопривлекательной.

Становление зарубежных исследований отцовства и маскулинности происходит параллельно. Логика данного процесса может быть описана как постепенный переход от узкого понимания данных феноменов к признанию их неоднородного характера, их социальной и культурно-исторической обусловленности, к их анализу через призму властных отношений.

Сравнение процесса развития исследований отцовства в России и на Западе позволяет сделать следующий вывод. К общим тенденциям необходимо отнести присутствие как в западном, так и в российском академическом дискурсе двух противоположенных точек зрения на происходящие изменения в сфере семьи. Условно их можно обозначить как «традиционная» и «эгалитарная». Сторонники первой оперируют понятиями кризиса и стремятся восстановить прежний порядок, сторонники второй рассматривают происходящие изменения в более позитивном ключе и склонны искать новые варианты адапта-

ции к изменяющимся условиям. Следующей тенденцией, сближающей российские и зарубежные исследования, является схожая логика их становления: формирование в русле мужских исследований, единая методологическая основа, включенность во взаимосвязи с различными дисциплинами. Различия прослеживаются в содержательном и временном аспектах. Многие проблемы, которые интересуют западных исследователей, не находят отклика в России. В то же время отечественных ученых могут интересовать совершенно иные проблемы, связанные с особенностями российского общества, его культурой и историей. Это еще раз подтверждает необходимость учета в научном исследовании культурно-исторических и социально-политических факторов.

Специфика содержания терминов «отцовство» и «маскулинность» предполагает большое количество вариантов и возможностей их исследования. Оба эти понятия могут рассматриваться с разных точек зрения в зависимости от уровня анализа, методологической позиции исследователя, его представления о структурных компонентах данных феноменов, их взаимосвязи с другими феноменами и обусловленности культурно-историческими и социальными факторами.

Исследование взаимосвязи между отцовством и маскулинностью видится весьма продуктивным. Развитие данного направления будет способствовать решению многих проблем, с которыми сталкиваются мужчины и женщины в современном динамичном, нестабильном, полном противоречий обществе.

Библиографический список

1. *Акимова М. К., Усцева М. Н.* Влияние отца и его образа на возникновение аддикции у подростков // Высшее образование сегодня. 2010. № 5. С. 63—67.
2. *Ангелова Е., Темкина А.* Отец, участвующий в родах: гендерное партнерство или ситуативный контроль? // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности : коллектив. моногр. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. СПб., 2009. С. 473—507.
3. *Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А.* Зарубежная социальная психология XX столетия : теоретические подходы : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 2002. 287 с.
4. *Ассонова Е.* Новые ценности в детско-родительских отношениях // Pro et Contra. 2010. № 1/2. С. 78—93.
5. *Берд Ш.* Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // Гендер. исслед. 2006. № 14. С. 5—33.
6. *Борисенко Ю. В., Портнова А. Г.* Отцовство как фактор развития личности // Развитие личности. 2006. № 2. С. 70—81.
7. *Воронина О. А.* Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // Обществ. науки и современность. 2000. № 4. С. 9—21.
8. *Григорова Т. В.* Психология отцовско-детских отношений в историко-культурной перспективе // История отечественной и мировой психологической мысли : постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее : материалы Междунар. конф. по истории психологии «IV Московские встречи», 26—29 июня 2006 г. / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М. : Ин-т психологии РАН, 2006. С. 188—190.
9. *Гурко Т. А.* Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социол. исслед. 1997. № 1. С. 72—79.

10. *Гурко Т. А.* Родительство: социологические аспекты. М. : Ин-т социологии РАН, 2003. 164 с.
11. *Гусева Ю. Е.* Влияние социально-исторических изменений в обществе на трансформацию гендерных представлений в популярной прессе : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2007. 200 с.
12. *Дашкова Т.* Гендерная проблематика: подходы к описанию // Исторические исследования в России — II : семь лет спустя. М. : АИРО-XX, 2003. С. 203—245.
13. *Евсеев Ю. В.* Отцовство как психологический фактор развития личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2006. 18 с.
14. *Евсеев Ю. В., Портнова А. Г.* Отцовство как структурно-динамический феномен // Сибирская психология сегодня : сб. науч. тр. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2003. Вып. 2. 410 с.
15. *Звонарева А. Е.* Образ отца в позднесоветской журнальной периодике (вторая половина 50-х — 80-е годы XX века) // Женщина в российском обществе. 2009. № 1. С. 65—73.
16. *Игнатова О. В.* «Кризис отцовства» как индикатор гендерной асимметрии // Актуальные проблемы психологического знания. 2010. № 2. С. 50—57.
17. *Калина О. Г., Холмогорова А. Б.* Значение отца для развития ребенка : (на материале зарубежных исследований) // Семейная психология и семейная терапия. 2006. № 1. С. 87—99.
18. *Клецина И. С.* Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 29—41.
19. *Ключко О. И.* Отечественный вариант гендерных исследований // Обществ. науки и современность. 2007. № 4. С. 172—176.
20. *Кон И. С.* Мальчик — отец мужчины. М. : Время, 2010. 704 с.
21. *Кон И. С.* Маскулинность в меняющемся мире // Вопр. философии. 2010. № 5. С. 25—35.
22. *Кон И. С.* Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. URL: http://sexology.narod.ru/publ018_2.html (дата обращения: 14.05.2011).
23. *Кон И. С.* Мужская роль и гендерный порядок // Вестн. обществ. мнения : данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 2. С. 37—43.
24. *Кон И. С.* Отцовство как компонент мужской идентичности // Демоскоп Weekly 2006. № 237/238. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit03.php> (дата обращения: 12.12.2010).
25. *Кон И. С.* Отцовство как социокультурный институт // Педагогика. 2005. № 9. С. 3—16.
26. *Лукина А. А.* Представления об отце у юношей и девушек из неполных семей как практическая проблема современной психологии // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. 2008. № 11. С. 55—58.
27. *Мальшева Н. Г.* Гендерные стереотипы в молодежных средствах массовой коммуникации : дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 178 с.
28. *Прокофьев В. Н.* Возрождение ответственного отцовства — одна из важнейших задач современного общества // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. 2009. № 5. С. 217—220.
29. *Протопопов С. С.* Теоретические основы изучения феномена отцовства // Вопр. культурологии. 2009. № 12. С. 46—49.
30. *Рыбалко И. В.* Трансформация отцовства в современной России : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2006. 125 с.
31. *Соколюк Н. В.* Родительство в условиях современного кризиса семьи. URL: <http://www.isras.ru/abstract bank/1210198470.pdf> (дата обращения: 17.12.2011).

32. Старостина Л. Д. Роль отца в психическом развитии ребенка // Вестн. Якут. гос. ун-та. 2008. Т. 5, № 3. С. 74—80.
33. Темкина А. А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социол. исслед. 2002. № 11. С. 4—15.
34. Чернова Ж. В. «Демографический резерв»: молодая семья как объект государственной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 26—38.
35. Чернова Ж. В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ: СПб. : Норма, 2008. 328 с.
36. Ярская-Смирнова Е. Р. «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» : дискурсивное оформление современной российской семейной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 14—25.
37. Connell R. W., Messerschmidt J. W. Hegemonic masculinity: rethinking the concept // Gender & Society. 2005. № 19. P. 829—859.
38. Edwards T. Cultures of Masculinity. London ; New York : Taylor & Francis Group, 2005. 174 p.
39. Howard J. A feminist perspective on fathering // Sullivan R. Focus on fathering. Melbourne : ACER Press, 2003. P. 107—124.
40. Pleck J. H. Fatherhood and masculinity // Lamb M. E. The Role of the Father in Child Development. 5th ed. Hoboken (N. J.) : John Wiley & Sons, 2010. P. 27—57.
41. Wolde A. Väter im Aufbruch. Deutungsmuster von Väterlichkeit und Männlichkeit im Kontext von Väterinitiativen. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. 311 S.

ББК 60.542.2

И. П. Попова

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В СФЕРАХ ЗАНЯТОСТИ И ЗДОРОВЬЯ: КОНТЕКСТ ДЕВЯНОСТЕЙ

Влияние социально-экономического кризиса 1990-х гг. на состояние здоровья населения (падение уровня жизни, социальная неустроенность, деградация системы здравоохранения и т. д.) было значительным и продолжает сохранять свое значение и сегодня. В этот период, с одной стороны, проявлялась неспособность социальной политики учитывать гендерные аспекты здравоохранения, с другой — гендер стал одним из факторов социально-экономических неравенств. Свидетельство этому — углубление разрыва в уровне смертности между мужчинами и женщинами, различий в структуре причин смертности, заболеваемости и т. д., что привело к актуализации проблемы гендерных неравенств в здоровье (см., напр.: [2, 3, 4, 10]). Эти неравенства рассматриваются как в рамках гендерного подхода в исследованиях социологии здоровья (здравоохранения), так и при изучении гендерных моделей в самосохранительном поведении. Формируются два основных направления их объяснения. Представители одного из них связывают данные неравенства с неравенством в соци-